

П. В. Петрухин

О датировке списка А договора Смоленска с Ригой и Готским берегом

1. Знаменитая Смоленская грамота 1229 г. представляет собой одновременно мирный договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с немецким Орденом и соглашение о взаимной торговле между русскими (смоленскими) и немецкими купцами. Особое историческое значение договора, отмечаемое историками (Goetz 1916: 304; Franklin 2002: 166), обусловлено тем, что он был подписан на фоне кардинального изменения расстановки сил на востоке Балтики, связанного с приходом и закреплением там немецких крестоносцев, и тем самым заложил основы взаимоотношений Руси с ее западными соседями на многие десятилетия.

Договор сохранился в двух редакциях — «готландской» и «рижской», каждая из которых представлена тремя списками — соответственно, А, В, С и D, Е, F. Несмотря на более чем полуторавековую традицию изучения, исследователи до сих пор не пришли к согласию по ряду важнейших вопросов истории и текстологии памятника. В частности, не решен вопрос о датировке самого известного списка договора — списка А. Разброс мнений здесь довольно широк, а историография проблемы примечательна сама по себе.

Авторы основополагающих исследований о смоленско-рижских актах П. В. Голубовский [1895: 116–117] и Л. К. Гётц [Goetz 1916: 300] считали список А (далее будем также называть его просто *грамотой*) оригиналом договора 1229 г. Однако Н. П. Лихачев [1928: 22–23] показал, что печать, которой скреплена грамота, принадлежит смоленскому князю Федору Ростиславичу (1280–1297), и предположил, что список был изготовлен в 1284 г., когда тот же князь направил в Ригу подтверждающую грамоту. Эту точку зрения поддержал А. А. Зимин [1953: 56]. В 1963 г. вышло основательное монографическое издание

смоленских грамот, авторы которого, апеллируя к палеографическим данным, вновь объявили список А оригиналом договора Мстислава Давыдовича; что же касается печати, то она, по их мнению, была привешена позднее, в связи с повторным использованием списка [Сумникова, Лопатин 1963: 54]. В рецензии на новое издание В. А. Кучкин [1966] оспорил данную гипотезу, в свою очередь предположив, что список А был составлен при Михаиле Ростиславиче (1277–1279), непосредственном предшественнике Федора Ростиславича на смоленском столе.

К сожалению, работа В. А. Кучкина, имеющая большое значение для исследования смоленских грамот, выпала из поля зрения большинства специалистов. А так как издание [Сумникова, Лопатин 1963] на долгие годы стало основным источником сведений о смоленских грамотах, изложенное в нем представление о списке А как оригинале договора 1229 г. закрепилось в последующей литературе, превратившись в своего рода аксиому. Прежде всего это касается лингвистических работ, где список А, датируемый 1229 г., нередко служит критерием для установления относительной хронологии древнерусских языковых процессов¹. В 2009 г. увидело свет новое издание смоленских грамот [Иванов, Кузнецов 2009], включающее в себя обширное исследование истории и текстологии Смоленского договора; его авторы, полностью полагаясь на палеографическую оценку рукописи в [Сумникова, Лопатин 1963], также считают список А (как, впрочем, и целый ряд других списков) оригиналом договора 1229 г.²

2. Рассмотрим подробнее доводы в пользу ранней и поздней датировки грамоты. Как было сказано, вывод Т. А. Сумниковой о том, что список А, скорее всего, является оригиналом договора 1229 г., опирается на анализ почерка грамоты. Этот подход сомнителен. Палеографические наблюдения в принципе не позволяют датировать рукопись с точностью до нескольких лет (а задача состоит именно в этом). Но даже если бы нас устраивала датировка в диапазоне нескольких десятков лет, решение задачи все равно было бы затруднено: для уверенных выводов необходимо располагать достаточно большим корпусом близких по времени функционально однородных текстов, часть из которых имела бы относительно надежную непалеографическую

¹ К редким исключениям в этом смысле относятся многотомная «Историческая грамматика древнерусского языка» под ред. В. Б. Крысько [ИГРЯ] и [СДРЯ 6: 17], где принята датировка Кучкина; существование альтернативной точки зрения отмечает и Й. Схакен [Schaecken 2003: 262].

² В целом концепция А. С. Иванова и А. М. Кузнецова неубедительна, см. рецензию [Петрухин 2012a].

датировку, ср. [Зализняк 2000]³; в данном же случае, по мнению самой Т. А. Сумниковой, надежную непалеографическую датировку имеют лишь две короткие грамоты Федора Ростиславича 1284 г. [Сумникова, Лопатин 1963: 14–15]. Данные почерка самого списка А противоречивы: наряду с относительно ранними чертами они демонстрируют, например, такое позднее написание, как буква *ъ* с заплывшей до верха строки петлей, отсутствующая в Договоре неизвестного смоленского князя, списках Е и Д и даже в грамотах 1284 г. [Там же: 53; Кучкин 1966: 112]. Фактически датировка грамоты устанавливается на основе близости его почерка к почерку Договора неизвестного смоленского князя, дату которого, в свою очередь, требуется определить [Сумникова, Лопатин 1963: 52–53]⁴.

В связи с этим нельзя не согласиться с В. А. Кучкиным [1966: 107], что в изучении абсолютной и относительной хронологии списков договора «[р]ешающее значение должно принадлежать текстологическому комментарию памятника». В. А. Кучкин обратил внимание на то, что число списков смоленско-рижских договоров, как сохранившихся, так и предполагаемых на основании текстологических наблюдений, совпадает с числом князей, занимавших смоленский стол с 1233 по 1358 гг. Ниже воспроизведена предложенная исследователем схема (см. Таблицу 1 на след. странице) [Там же: 111].

Отсюда Кучкин пришел к выводу, что, «[о]чевидно, каждый смоленский князь заключал или возобновлял договор с Ригой и Готским берегом»⁵; «из таблицы ясно видно, что списки редакций не чередуются»⁶. Списки рижской редакции более ранние, они относятся примерно к третьей четверти XIII в. Их сменяют списки готладской редакции. Тот же вывод получается и при текстологическом анализе редакций. Приведенные данные говорят о том, что рижская и готландская редак-

³ Ср. также замечание А. А. Зализняка [2000: 424] о том, что «внестратиграфическое датирование в действительности решает не задачу определения даты написания грамоты (заведомо безнадежную, если речь идет о точности в 20, а не, скажем, в 80 лет), а некую иную. Эта задача состоит в определении места данного пишущего на шкале исторической эволюции палеографических и языковых признаков».

⁴ Характерно, что в [Иванов, Кузнецов 2009: 298] уже список А с предложенной в [Сумникова, Лопатин 1963] датировкой используется как критерий для датирования других списков договора.

⁵ Этого же мнения придерживался П. В. Голубовский [1895: 117–118], ср.: «так делалось каждый раз, когда на великокняжеский стол в Смоленске садился новый князь: он объявлял своим западным соседям о своем желании держаться политики своего предшественника».

⁶ Предложенная в [Сумникова, Лопатин 1963: 62] схема предполагала ничем не мотивированное попеременное использование то одной, то другой редакции.

Таблица 1⁷

<i>Смоленские князья</i>	<i>Списки смоленско-рижских договоров⁸</i>
Святослав Мстиславич (1233–1240)	договор неизвестного князя
Всеволод Мстиславич (1240–?)	[список Е рижской редакции без приписки, протограф списка F], без печати
Святослав Мстиславич (1233–1240)	договор неизвестного князя
Всеволод Мстиславич (1240–?)	[список Е рижской редакции без приписки, протограф списка F], без печати
Ростислав Мстиславич (?–1270)	(список Е рижской редакции с припиской о татарах), без печати
Глеб Ростиславич (1270–1277)	список D рижской редакции; печать кн. Глеба Ростиславича
Михаил Ростиславич (1277–1279)	[список А готландской редакции; печать другого князя?]
Федор Ростиславич (1280–1297)	список А готландской редакции; печать кн. Федора Ростиславича
Александр Глебович (1297–1313)	список В готландской редакции; печать кн. Александра Глебовича
Иван Александрович (1313–1358)	список С готландской редакции без печати

⁷ В квадратные скобки заключены гипотетические списки, в круглые — список с гипотетической атрибуцией.

⁸ В [Янин 1970: 105–107] два списка получили иную атрибуцию, чем у Кучкина, а именно, «договор неизвестного князя» и список D атрибутированы Ростиславу Мстиславичу. Логика рассуждений здесь не совсем ясна, см. [Петрухин 2012а: 389]. Исследование Кучкина в статье Янина не упоминается.

ции договора 1229 г. представляют собой два различных договора, основанных на договоре 1229 г.⁹ [Там же: 112].

Согласно Кучкину, о старшинстве рижской редакции говорит, например, последовательное употребление терминов «немцы», «немецкие купцы», в то время как в готландской редакции преобладают термины «латинин», «латинский гость»: этноним «немцы» характерен для ранних восточнославянских памятников (в частности, для договорной грамоты Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1191–1192 гг.¹⁰ и Новгородской первой летописи старшего извода), а термин «латинин» возникает позднее. Также «[о] вторичности терминов „латинин“, „латинский“ по сравнению с терминами „немец“, „немецкий“ говорит употребление в готландской редакции в четырех случаях, отмеченных П. В. Голубовским, последних терминов. Рижская редакция такого смешения не знает» [Там же: 109]. Кроме того, рижская редакция, как и договор 1191–1192 гг., упоминает гривну кун и гривну серебра, готландская — только более позднюю гривну кун [Там же: 109–110]. В [Кучкин 1966] приведены и другие аргументы, показывающие, что готландскую редакцию договора (а следовательно, и ее старейшую копию — список А) от договора Мстислава Давыдовича отделяет существенный промежуток времени; в частности, некоторые статьи договора к моменту создания списка А явно устарели.

3. Наблюдения В. А. Кучкина усиливает еще одно существенное обстоятельство. Дело в том, что в работе над готландской редакцией договора был использован текст на родном языке ганзейских купцов — средненижненемецком. Ниже я объясню, почему это важно с точки зрения датировки списка А, но сначала рассмотрим аргументы в пользу наличия у этого списка немецкого оригинала.

В грамоте обнаружен целый ряд калек с немецкого, причем список продолжает пополняться. Большинство калек относится к преамбуле и заключительной части договора, что понятно: договор Мстислава Давыдовича является первым восточнославянским текстом, составленным в соответствии с западноевропейским (изначально латинским) дипломатическим формуляром [Литвина 2002]. Ясно, что у древнерусских писцов отсутствовали навыки использования данного формуляра, поэтому отдельные его элементы воспроизводились если не дословно, то очень близко к тексту оригинала.

⁹ Традиционная точка зрения состояла в том, что обе редакции были составлены послами Мстислава Давыдовича в 1229 г.

¹⁰ Датировка по [Рыбина 1989; Янин 1991].

Вопрос о языке вводной и заключительной частей грамоты подробно разбирается в [Петрухин 2012б]. Здесь достаточно отметить, что, например, датирующая формула грамоты (с. 569)¹¹:

коли с.а. · грамота псана · ишлѣ былѣ · ѿ ржѣтва ѣ.н.а. · до сего лѣта · а̄ѣ · лѣм · и · с̄ · лѣм · и · ѿ · лѣм · и · к̄ · (1000 лет и 200 лет и 8 лет и 20)

несомненно копирует структуру соответствующей немецкой фразы, ср. в грамоте 1272 г. из Хильдесхайма [Schröder 1937: 2], самой ранней из сохранившихся городских грамот на средненижненемецком языке: *It waren irgangen, dhat is war, dhusent vnde twe hundert [iar]*¹² *vnde twe vnde seuentich iar van vnser herin godes geborde, er desse bref gescreuen worde* ‘Прошло, это истинно, 1272 года (букв.: тысяча и двести [лет] и два и семьдесят лет) от Рождества Господня, прежде чем этот документ был написан’.

Уже К. Э. Напьерский [Napiersky 1868: 409] отмечал, что в этой формуле, указывающей дату, вопреки древнерусской традиции, не от сотворения мира, а от рождества Христова, представлен немецкий порядок чисел (8 лет и 20, ср. *achtundzwanzig*). Но это не все: воспроизведены даже такие детали, как немецкий плюсквамперфект (ср. *ишл<о> был<о>* в соответствии с *waren irgangen*), повтор сочинительного союза и повтор слова *iar* (‘год’, др.-р. лѣто) после каждой (или почти каждой) цифры¹³.

В преамбуле договора Напьерский отметил германизмы *оустоко моря* (ср.-ниж.-нем. *ostersê* ‘Балтийское море’) и *б(о)жии дворянинъ* (ср.-ниж.-нем. *ridder Gots* ‘орденский рыцарь’). В. Кипарский обнаружил германизмы в основной части договора (некоторые из них спорны), в частности, там упоминается восьмидневная немецкая неделя (*ѿ дѣни*) [Kiparsky 1960: 246]; о термине *земледѣржци* (ср.-ниж.-нем. *landholder*) [Kiparsky 1939: 86] см. также комментарий Кучкина [1966: 113].

В недавней работе И. С. Кошкина [2008: 105–132] отмечены еще два немецких термина, попавших в текст готландской редакции договора: *добрии людие* и *оумнь моужь*. Термин *добрии людие* (ср. *приказано боудѣте добрымъ людѣмъ*, с. 563) использован шесть раз (в преамбуле,

¹¹ Здесь и далее грамота цитируется по новейшему изданию [Иванов, Кузнецов 2009].

¹² В рукописи зачеркнуто.

¹³ Ср.: *Dit is gheseghen na der geborth uses herren obir thusen iar un ouere twei hundirth iar ind'e nvn un siuentighestin iare* ‘Это (решение) принято, когда после Рождества Господня прошло тысяча лет и двести лет и девять и семьдесят лет’ (грамота 1279 г., [Corpus Wilhelm, Bd. I. S. 364]). Подробнее см. [Петрухин 2012б].

заключительной части и в основном тексте) и соответствует стандартной средненижнемецкой формуле *gude lude*, обозначающей свидетелей и, в свою очередь, восходящей к средневековому латинскому *boni homines* с тем же значением, ср. [Niermeyer et al. 2002: 134]. Именно в этом значении данный термин выступает в договоре 1229 г.: *котороуе оурудие доконечано боудѣть ... пьредѣ соудитями и пьредѣ добрыми людьми* (с. 567). Термин *оумнь моужь* (ср. *оумна моужа пантельа*, с. 563) соответствует немецкому *wise lude* [Кошкин 2008: 119–120]. В конечном протоколе списка А упоминаются *оумнии коупчи*, а также представлена своеобразная контаминация обоих терминов: *и инехъ много оумныхъ добрыхъ людѣи* (с. 569), ср. в средненижнемецком переводе грамоты Новгорода Риге, Юрьеву и Кольвани 1417 г. [ГВНР, № 55]: *unde alle den raedluden unde to allen wiisen guden luden* ‘и всем ратманам, и всем умным добрым людям’. Оба термина характерны лишь для готландской редакции договора. В рижской редакции, в основе которой, согласно общепринятой точке зрения, лежит латинский текст, лишь один раз упомянуты *добрии моужи* — очевидно, в соответствии с латинским *boni homines*.

Продолжая этот список, можно предположить, что используемое в готландской редакции словосочетание «все купцы» (*са грамота оутвържена · всехо коупче пчатию*, с. 569) отражает первоначальное немецкое название союза купцов, впоследствии получившего имя Ганза (Kaufmannshanse): *de getene koptan* (der gemeine Kaufmann).

Любопытна также следующая деталь. В двух редакциях договора несколько по-разному записано имя смоленского князя: в рижской (список Е) — *мьстиславъ двѣвичь*, в готландской (список А) — *мьстиславъ двѣвъ снѣ*. По мнению А. С. Иванова и А. М. Кузнецова [2009: 257], «форма написания имени смоленского князя в Готландской редакции приобретает более официальный (полный) вид, что соответствует смыслу и духу международного юридического документа. В списках же Рижской редакции договора имя князя дано в форме, наиболее распространенной в древнерусских письменных источниках». Почему авторы новейшего издания грамот считают форму *мьстиславъ двѣвъ снѣ* «более официальной» и «полной», неясно; специальные исследования, посвященные происхождению и функционированию древнерусских (в частности, княжеских) отчеств, не дают никаких оснований для подобных выводов, ср. [Успенский 2005: 212]. Как правило, договорные грамоты называют князей либо по имени и отчеству на *-ичь* (как в рижской редакции), либо (в ранних грамотах даже чаще) просто по имени. В то же время модель со словом *сынъ* соответствует способу передачи русских имен в средневековых немецких грамотах. Так, договорная грамота Новгорода с Любеком и Готским берегом о торгов-

ле и суде 1269 г. (ГВНП, № 31), написанная от имени князя Ярослава Ярославича и сохранившаяся в переводе на средненижненемецкий, начинается словами: *Ich coning Jeretslawe coning Jeretslawen sone* (букв.: ‘я, князь Ярослав, сын князя Ярослава’); ср. интитуляцию проекта договорной грамоты Новгорода с Ливонским орденом и епископом юрьевским о мире 1420 г. (ГВРН, № 59): *Ich koning Constantyne Dymytirson*; здесь же упомянуты, например, *Cuseman Terentenson* (Кузьма Терентьевич) и *Zachare Jhezypisson* (Захар Ёсифович); ср. также договор Новгорода с ганзейскими городами 1423 г. (ГВРН, № 62), где фигурируют посадник *Wassile Mikitenson* (Василь Микитич) и тысяцкий *Owrame Stopenenson* (Оврам Степанович). Показательна грамота полоцкого наместника Ивана Семеновича рижскому городскому совету 1409 г., сохранившаяся в двух вариантах — русском и немецком: русская интитуляция *Ѣто княз(а) Иван(а) Семенович(а)* [ПГ, № 40] в переводе звучит: *Wy herthoge Johan Symonen son* [ПГ, № 39]¹⁴.

Разумеется, древнерусскому языку знаком тип отчества, представленный в списке А (ср. интитуляцию Мстиславовой грамоты 1130 г.: *Се азъ Мъстиславъ Володимиръ снѣ...*)¹⁵. Существенно, однако, что в прочих договорных грамотах (в отличие от других типов грамот: жалованных, духовных и т. п.) данная модель, насколько можно судить, не встречается. Следовательно, выбор отчества со словом *сын* в готландской редакции с большой вероятностью объясняется влиянием немецкого оригинала.

4. Итак, использование при создании списка А текста на средненижненемецком языке не вызывает сомнений. Но какое значение это имеет для установления его датировки? Дело в том, что само появление в 1229 г. документа на средненижненемецком представляется крайне маловероятным. Письменное делопроизводство на средненижненемецком получает относительно устойчивое распространение лишь с середины XIV в. До этого ганзейские купцы (и, разумеется, их покровители на восточном побережье Балтийского моря — немецкие крестоносцы) в основном пользовались латынью. Согласно [Nagel

¹⁴ Наряду с этим в XV в. появляются транслитерации русских отчеств и даже записи типа: *van dem borghermester van Grote Nougarden Borisa Jurgevitza, van dem hertogen [van] Grote Nougarden Fodora Jacolvitza* (1436 г., ГВНП, № 66), сохраняющие в именах русское окончание родительного падежа.

¹⁵ В целом большинство представленных в списке А германизмов не противоречит нормам древнерусского языка, а напротив, использует конструкции последнего (порой невзирая на исходные функционально-семантические различия). Это вполне согласуется с общим представлением о процессах, обусловленных межъязыковыми контактами, ср. [Aikhenvald 2007: 31].

2002: 39–43], всего известно менее тридцати средненижненемецких документов XIII в., из них более двух третей относятся к 90-м гг. XIII в. или рубежу XIII–XIV вв., семь — к 1265–1289 гг. и лишь два имеют более раннюю дату. Из этих последних один представляет собой короткий латинский текст с отдельными вкраплениями немецких фраз, второй — *Jus Ottonianum*, текст городского права г. Брауншвейга, датируемый, по последним данным [Freise 1995: 452], началом 30-х годов (1231 г. или позже).

Таким образом, если бы список А относился к 1229 г., то его оригинал пришлось бы признать по сути первым средненижненемецким текстом, на десятки лет опередившим большинство памятников начального периода развития нижненемецкой письменности (за исключением *Jus Ottonianum*). Между тем перед нами текст, оформленный по всем правилам современного дипломатического этикета, с использованием, в частности, таких элементов формуляра, как аренда и промульгация [Литвина 2002], а также датирующая формула, совершенно отличная от латинской (см. пример выше). Иными словами, это текст отнюдь не похож на «пробу пера» (если таковая вообще уместна в данной ситуации).

Здесь надо сделать одно уточнение. Как подчеркивает Е. Р. Сквайрс [2009: 224], «[т]ексты на средненижненемецком языке, составленные на Руси или по поводу русских торговых дел Ганзы, относятся к наиболее ранним нижненемецким текстам, появившимся после долгого господства латыни в деловой и правовой сферах» (ср. также [Сквайрс, Фердинанд 2002: 49; Гиппиус 2002: 114–115; Squires 2009: 149]); к их числу относится, например, цитированный выше немецкий текст договора Ярослава Ярославича 1269 г. [ГВНП, № 31]. И все же документы, о которых идет речь, написаны не ранее последней трети XIII в. — времени, с которого начинается устойчивый рост письменной продукции на средненижненемецком языке. Напротив, неожиданное появление средненижненемецкого текста в конце 20-х гг. XIII в. выглядит совершенно загадочным.

5. Таким образом, есть веские основания полагать, что старейший список готландской редакции договора Мстислава Давыдовича был создан во второй половине XIII в. Можно ли уточнить эту датировку? Как уже говорилось, сторонниками поздней датировки списка А были выдвинуты две гипотезы: по мнению Н. П. Лихачева [1928: 22–23] и А. А. Зимина [1953: 56], грамота была написана при Федоре Ростиславиче (1280–1297), В. А. Кучкин [1966: 112] же «предположительно, но не утвердительно» атрибутировал ее предыдущему смоленскому князю — Михаилу Ростиславичу (1277–1279).

Гипотеза В. А. Кучкина позволяла закрыть лауну в предложенной им же схеме: как мы знаем, Кучкин вслед за Голубовским предположил, что начиная с Мстислава Давыдовича «каждый смоленский князь заключал или возобновлял договор с Ригой и Готским берегом» [Там же]; между тем против имени Михаила Ростиславича в таблице (см. выше) оставалась единственная «пустая графа» [Там же]. Дополнительный аргумент здесь состоял в том, что, согласно [Сумникова, Лопатин 1963: 53], помимо двух вислых серебряных печатей — Федора Ростиславича и епископа Порфирия¹⁶, — в грамоте имеется еще один прорез от несохранившейся печати. По мнению Кучкина [1966: 112], эта печать могла принадлежать Михаилу Ростиславичу, впоследствии же, при подтверждении договора Федором Ростиславичем, она была срезана и привешены две новые. Однако, согласно новейшему изданию [Иванов, Кузнецов 2009: 270], этот прорез в действительности представляет собой «дефект пергамента, появившийся, кажется, в процессе некачественной выделки».

Исторические источники объясняют обнаруженную Кучкиным лауну иначе. Дело в том, что как раз на княжение Михаила Ростиславича (1277–1279)¹⁷ пришлось торговая блокада Руси со стороны Риги и немецких купцов [Goetz 1922: 52–53]. Инициатором блокады была Рига. В письме, датированном 4-ым февраля 1278 г., рижский архиепископ Иоганнес фон Луне, магистр Тевтонского ордена в Ливонии Эрнст фон Ратцебург и наместник датского короля в Ревеле и Виронии Эйлард фон Оберг благодарят власти Любека и всех немецких купцов, торгующих на Балтийском море, за их согласие прекратить торговлю с Русью и призывают продолжить блокаду (см. приложение к настоящей статье). Тогда же, вероятно, имели место и военные столкновения между ливонскими рыцарями и русскими князьями: по данным источников, последние поддерживали литовского князя Трайдениса в его борьбе с ливонцами [Selart 2007: 251]. В этих условиях, разумеется, о возобновлении договора не могло быть речи.

Возможно, указанные события объясняют не только «пробел» в последовательности списков Смоленского договора, но и само появление его новой («готландской») редакции при Федоре Ростиславиче. Действительно, обстоятельства, предшествовавшие созданию списка А, напоминают историю возникновения договора Мстислава Давыдовича 1229 г. Последний, как следует из его преамбулы, был призван по-

¹⁶ Во время подготовки издания [Сумникова, Лопатин 1963] обе печати еще были привешены к грамоте. В настоящее время печать Федора Ростиславича утрачена, а печать Порфирия сохранилась, но отдельно от документа (шнур перерезан) [Иванов, Кузнецов 2009: 270].

¹⁷ См. [Голубовский 1895: 182–183].

ложить конец вражде между Смоленском и Ригой: *оутвърдили мирь, что былъ немирно промъжю смольнска и ригы и готскымъ берьгомъ всемъ коупчемъ* (с. 563). Такую же задачу, очевидно, выполнял и договор Федора Ростиславича 1284 г.

Более того, в преамбуле договора 1229 г. сказано, что он заключен *того лѣмъ коли алѣбрахтъ влѣдка ризкии оумьрлѣ* (с. 563), т. е. после смерти епископа Альберта фон Буксхеведе — сторонника агрессивной политики Ордена в отношении Руси. В свою очередь, договор Федора Ростиславича был заключен в год смерти рижского архиепископа Иоганнеса фон Луне (1273–1284)¹⁸ — одного из инициаторов торговой блокады Руси (магистр Ордена Эрнст фон Ратцебург умер в 1279 г.).

Отголоски неурядиц между двумя сторонами еще хорошо слышны в подтвердительной грамоте Федора Ростиславича 1284 г., приложенной к списку А, ср.: *што боудеть намъ речъ с пискоупомъ или съ масте-ромъ, то ведаемъся мы сами* (с. 615)¹⁹. Совсем в другой тональности написана, например, подтвердительная грамота Александра Глебовича, сопровождающая список В готландской редакции и являющаяся частью рутинной процедуры возобновления прежнего договора новым князем: *како есте были въ лви²⁰ съ отѣмъ моимъ глѣбомъ і с моимъ стрьнемъ федоромъ, тако будете і со мною въ любви, а гъзъ тоѣ же любви хочю с вами* (с. 645). Показательно, между прочим, что, ссылаясь на своих предшественников, которые были с немцами «в любви», Александр Глебович упоминает Глеба Ростиславича (1270–1277) и Федора Ростиславича (1280–1297), но не Михаила Ростиславича (1277–1279).

С другой стороны, нельзя не отметить и те важные структурные изменения, непосредственно затронувшие Балтийский регион, которые претерпела в начале 1280-х годов Ганза. В 1280 г. (возможно, как полагает Гётц [Goetz 1922: 54–55], в связи с упомянутым русско-немецким конфликтом) немецкая община Готланда заключила союз с купцами Любека. В 1282 г. к этому союзу присоединилась Рига, в 1283 г. — Ревель (о времени присоединения Дерпта сведения отсутствуют). В том же 1283 г. был заключен договор между целым рядом немецких городов на южном побережье Балтики. В результате этих событий административный центр Ганзы постепенно переместился из Висбю в Любек [Рыбина 2009: 66–68].

Вероятно, совокупность этих событий (конфликт между Русью и Орденом и реформа административного устройства Ганзы) — и при-

¹⁸ См. [Gatz 2001: 649].

¹⁹ Как отмечает А. Л. Хорошкевич [1997: 130], «еще в 1284 г., судя по посланию кн. Федора Ростиславича в Ригу, отношения Смоленска с этим городом не были урегулированы».

²⁰ Так в рукописи, *вм. любви*.

вела к тому, что при Федоре Ростиславиче случилось не просто рутинное подтверждение прежних немецко-русских договоренностей, но была составлена новая редакция договора (напомню, что, по мнению Кучкина [1966: 112], готландская редакция представляет собой по сути новый договор, основанный на договоре 1229 г.).

6. На то, что список А вышел из канцелярии Федора Ростиславича, также косвенно указывает одна мелкая, но важная деталь. Выше обсуждалась датирующая формула списка А, очевидно, дословно копирующая немецкий оригинал. Таковую же формулу находим в двух других грамотах Федора Ростиславича 1284 г., а именно, в подтвердительной грамоте, прилагавшейся к списку договора (с. 615):

си же грамота псана бысть · ищѣло было ѿ ржѣтва гнѣа до сего лѣта · а̅ѣ · лѣтъ и двѣстѣ лѣтъ · и осмьдесатѣ летѣ и три · лѣта · въ четвертое лѣто на възнесенѣ гнѣ

и в грамоте по судному делу о немецком «колоколе» (гире), с. 625:

си же грамота псана быѣ ищѣло было ѿтѣ ржѣтва гнѣа до сего лѣта · а̅ѣ · лѣтъ и двесте летѣ и осмьдесатѣ лѣтъ и три лѣта · а на четвертое лѣто псана ∴

Все три фрагмента имеют одну общую особенность: в обозначении года знак тысячи стоит не слева от буквы *a*, как это принято в древнерусской письменности, а справа; то же самое находим в двух других списках готландской редакции — В и С. Наша запись, разумеется, условна: на фотокопиях в [Сумникова, Лопатин 1963] знак тысячи во всех пяти документах выглядит как неперечеркнутый косой штрих, примыкающий к спинке буквы *a*:

Насколько можно судить, подобное написание не встречается ни в каких других древнерусских текстах. Издание [Сумникова, Лопатин 1963] не передает этой особенности в транскрипции текстов: здесь, как обычно, знак тысячи изображен слева. В [Иванов, Кузнецов 2009] данная черта отражена, однако ни здесь, ни где-либо еще в литературе не отмечалось сходство в этом отношении между несколькими смоленскими документами. Очевидно, впервые возникнув в списке А, это уникальное обозначение затем тщательно копировалось после-

дующими писцами: сталкиваясь с непривычной в целом датирующей записью, они старались воспроизводить ее как можно точнее, вплоть до мелочей.

В настоящей статье отсутствует общий лингвистический анализ грамоты. Дело в том, что языковые особенности — ненадежный критерий, когда, как в нашем случае, требуется локализовать текст в пределах относительно короткого (примерно в полвека) временного отрезка. Тем не менее, следует отметить, что список А содержит некоторые несомненно поздние языковые черты, так что в работах по истории русского языка (рассматривающих его как рукопись 1229 г.) он часто выступает в роли памятника, демонстрирующего первые случаи употребления целого ряда новых форм. Так, здесь отмечена самая ранняя в древнерусской письменности форма *дадоуть* (с. 566, вм. старой *дадать*), следующий по времени пример относится к середине XIV в. [Зализняк 2004: 139]. Здесь же находим инфинитив на *-ть*: *оусадить* (с. 564), в берестяных грамотах первые подобные формы появляются в середине-третьей четверти XIII в. [Там же: 141]. Здесь же имеется форма В=Р *тата* (с. 567, вм. старого *тату*): среди прочих памятников самый ранний пример подобного рода засвидетельствован в грамоте 1264 г. по списку XIV в. [Хабургаев 1990: 80].

Подведем итоги. Целый ряд фактов указывает на то, что список А является не подлинником договора 1229 г., а текстом одной из его поздних редакций, точнее, подлинником договора, заключенного при князе Федоре Ростиславиче (1280–1297). Помимо прочих соображений, в пользу поздней датировки грамоты свидетельствует наличие у нее немецкого оригинала. Концепция В. А. Кучкина, как представляется, вполне убедительно объясняет историю и текстологию договора, причем обнаруженная исследователем «лакуна», связанная с именем смоленского князя Михаила Ростиславича и имеющая вполне очевидные исторические причины, лишь подчеркивает правильность общей схемы. В целом наш анализ подтверждает правоту Н. П. Лихачева, по мнению которого список А был составлен в 1284 г. в связи с заключением договора между Ригой и Смоленском при князе Федоре Ростиславиче. Как и две другие копии готландской редакции — список В Александра Глебовича²¹ и список С Ивана Александровича, — список А сопровождается подтвердительной грамотой Федора Ростиславича, имеющей с данным списком довольно нетривиальные общие палеографические и текстологические особенности. Таким образом,

²¹ В списке В перед текстом договора помещена приписка Александра Глебовича: *се азъ, князь смоленьскїи олександръ, докончалъ есмь с немьци по давному докончанью, како то докончали ѡтци наши дѣди наши, на техъ же грамотахъ целовалъ есмь крестъ, а се моя печать* (с. 582).

Латвийский государственный исторический архив (Рига) сохранил для нас уникальный комплекс подлинных документов, демонстрирующих порядок и процедуру заключения и подтверждения договоров между древнерусским княжеством и его западными соседями на протяжении трех поколений русских князей²².

Приложение

Письмо рижского архиепископа Иоганнеса фон Луне, магистра Тевтонского ордена в Ливонии Эрнста фон Ратцебурга и наместника датского короля в Ревеле и Виронии Эйларда фон Оберга городу Любеку и немецким купцам, торгующим на Балтике [LübUB, № 391]

Johannes, miseracione divina sancte Rigensis ecclesie archiepiscopus Fr(ater) Er(nestus) Magister domus Theutonice in Liuonia, Ey(lardus) miles, dictus de oberch, capitaneus illustris regis Dacie per reualiam et wironiam. viris honorabilibus et in christo dilectis, aduocato et consulibus Lubicensibus, sed et vniversis mercatoribus mare orientale frequentantibus, salutem in domino sempiternam. Vniuersitati vestre graciaram referimus actiones, quod super foro communi non querendo ulterius in Rucia, voluntates vestras nostris voluistis voluntatibus adaptare. Nos quoque, sicut vestra Vnanimitas expetiuit, id ipsum uoluntarie intermittere volumus et libenter, vt scilicet nec vehiculis nec nauibus illuc nos uel nostri aliqua mercimonia transferamus. Quia igitur vnanimiter conveniunt in hoc proposito uota nostra, nullus, ut proximum pascha transierit, negociationem suam disponat amplius ad Ruthenos. Ad terras vero nostras mercandi gratia, vbicumque placuerit, sicut hactenus, libere veniatis, vtentes ibidem concessis libertatibus sicut prius.

²² В этой связи нельзя не отметить, что смоленско-рижские акты представляют исключительный интерес с точки зрения дипломатики. О том, сколь резко они выделяются на общем фоне восточнославянской деловой письменности, свидетельствует следующее наблюдение С. М. Каштанова [1998: 91–92], очевидным образом не учитывающее материала смоленских грамот: «Русской дипломатике была чужда практика выдачи полных копий прежних грамот от лица нового государя, т. е. здесь не возникла традиция составления удостоверительных видимусов (о термине «видимус» см. [Там же: 91]. — П. П.). <...> На Руси не развился обычай представлять нового государя в качестве гаранта дипломатической аутентичности цитируемого в его грамоте текста предшествующей грамоты». Как видим, и здесь, как и во многих других отношениях, смоленские грамоты оказываются исключением из правил. Несмотря на возможное различие в деталях между западноевропейским дипломатическим этикетом и практикой смоленских князей, очевидно, что смоленские князья на протяжении многих десятилетий выступали гарантами соблюдения соглашений, заключенных их предшественниками.

Quia vero dominus Tharbatensis et dominus Osiliensis, episcopi, nobis sine ipsis in ciuitate Rigensi simul positis ad presens, sigilla sua apponere non poterant ad presentes, alias litteras sub eodem tenore, tam sub nostris quam ipsorum sigillis, curabimus vniuersitati vestre in primo passagie destinare. Dat. Rige, anno domini MCCLXXVIII, pridie nonas Februarii.

‘Иоганн, Божьей милостью архиепископ святой церкви в Риге, брат Эрнст, магистр Тевтонского дома в Ливонии, воин Эйлард фон Оберг, достославный²³ наместник датского короля в Ревалии и Виронии — мужам досточтимым и возлюбленным во Христе, правителю²⁴ и членам городского совета Любека, а также всем купцам, посещающим Восточное море: Вечного благоденствия в Господе! Мы благодарны всем вам за то, что вы пожелали согласовать свои желания с нашими в том, чтобы впредь не вести торговлю с Русью. И мы тоже, в соответствии с вашей единодушной просьбой, охотно и добровольно хотим прервать ее (торговлю), т. е. ни наземным транспортом, ни кораблями туда не ездить и никаких товаров не возить. Итак, поскольку наши желания по поводу этого предложения совпадают, то после ближайшей Пасхи пусть никто больше не совершает торговли с рутенами. Но в наши земли приезжайте торговать свободно, куда бы вы ни пожелали, как и прежде, пользуясь теми же свободами, что и раньше. Поскольку же владыки епископы Дерпта и Эзеля²⁵ не смогли приложить свои печати к настоящему письму (так как мы сейчас вместе находимся в городе Рига, а их с нами нет), то мы постараемся как можно скорее отправить вам морским путем новое, аналогичное по смыслу письмо, скрепленное как нашими, так и их печатями. Рига, 4 февраля 1278 г. от Р. Х.’ (перевод Я. Д. Эйделькинда).

Литература

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.: Л., 1949.

Гиппиус 2002 — *Gunnuus A. A.* О книге Е. Р. Сквайрс и С. Н. Фердинанд «Ганза и Новгород» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 113–120.

²³ Возможно, что эпитет *illustris* ‘достославный’ относится не к наместнику, а к самому королю Дании.

²⁴ Лат. *advocatus* обозначает «защитника», т. е. наместника императора в «вольном имперском городе», каковым был Любек [MLW1: 278]; отсюда (через позднелат. *vocatus*) нем. термин *foгm* (Vogt, Schirmvogt) [Kluge: 962].

²⁵ Немецкое название о. Сааремаа.

- Голубовский 1895 — П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895.
- Зализняк 2000 — *Зализняк А. А.* Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. С. 133–429.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры. 2-е изд. 2004.
- Зализняк, Янин 1993 — *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Вкладная грамота Варлаама Хутынского // *Russian Linguistics*, vol. 16 (1992/1993), № 2/3. P. 185–202.
- Зимин 1953 — *Зимин А. А.* Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV веков // Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953.
- Иванов, Кузнецов 2009 — *Иванов А., Кузнецов А.* Смоленско-рижские акты: XIII в. — первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscowitica — Ruthenica* об отношениях Смоленска и Риги. (Исторические источники. Вып. 6) Рига, 2009.
- ИГРЯ — Историческая грамматика древнерусского языка. Под ред. В. Б. Крысько. Т. 1–4. М., 2000–2006.
- Каштанов 1998 — *Каштанов С. М.* Актовая археография. М., 1998.
- Кошкин 2008 — *Кошкин И. С.* Русско-германские языковые контакты в грамотах Северо-Запада Руси XII–XV вв. СПб., 2008.
- Кучкин 1966 — *Кучкин В. А.* О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 103–114.
- Литвина 2002 — *Литвина А. Ф.* Аренга: судьба латинской формулы в восточнославянских документах // Т. М. Николаева (ред.). Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 315–351.
- Лихачев 1928 — *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928.
- ПГ — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Т. I–III. Сост. А. Л. Хорошкевич. М., 1977–1980.
- Петрухин 2012а — *Петрухин П. В.* О новом издании смоленско-рижских актов (рецензия на: Иванов, Кузнецов 2009) // Ф. Б. Успенский (ред.). Именослов. История языка. История культуры. (Труды Центра славяно-германских исследований). М., 2012. С. 386–398.
- Петрухин 2012б — *Петрухин П. В.* К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г. // От формы к значению, от значения к форме: Сборник статей в честь 80-летия А. В. Бондарко. М., 2012. С. 477–488.
- Рыбина 1989 — *Рыбина Е. А.* О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13).
- Рыбина 2009 — *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М., 2009.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–9. М., 1988–2012.
- Сквайрс 2009 — *Сквайрс Е. Р.* Языковой аспект торгово-дипломатических отношений Новгорода с Ганзой // Е. А. Рыбина. Новгород и Ганза. М., 2009. С. 213–249.
- Сквайрс, Фердинанд 2002 — *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.
- Сумникова, Лопатин 1963 — *Сумникова Т. А., Лопатин В. В.* (подгот. к печати). Смоленские грамоты XIII — XIV веков. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
- Успенский 2005 — *Успенский Ф. Б.* Заметки о бытовании отчества в домонгольской и Московской Руси // *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia*

- and Lithuania in the Late Middle Ages (Московия, Юго-Западная Русь и Литва в период позднего Средневековья) / Под ред. Вяч. Вс. Иванова и Ю. Верхоланцевой. М., 2005 (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. IV.).
- Хабургаев 1990 — *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- Хорошкевич 1997 — *Хорошкевич А. Л.* О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16), 1997. С. 128–134.
- Янин 1970 — *Янин В. Л.* К вопросу о датировке экземпляров Д и К «Смоленской правды» // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 102–108.
- Янин 1991 — *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.
- Aikhenvald 2007 — *Aikhenvald A. Y.* Grammars in contact: a cross-linguistic perspective // A. Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon (eds.), *Grammars in contact: a cross-linguistic typology*. Oxford University Press, 2006. P. 1–66.
- Corpus Wilhelm, Bd. I. — Corpus der altdeutschen Originalurkunden bis zum Jahr 1300, begründet v. Friedrich Wilhelm. Bd. I: 1200–1282, Nr. 1–564 (1932).
- Franklin 2002 — *Franklin S.* Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge.
- Freise 1995 — *Freise E.* Die Welfen und der Sachsenspiegel // Bernd Schneidmüller (Hrsg.), *Die Welfen und ihr Braunschweiger Hof im hohen Mittelalter*. Wiesbaden 1995, S. 439–482.
- Gatz 2001 — *Gatz, Erwin.* Die Bischöfe des Heiligen Römischen Reiches 1198 bis 1448: ein biographisches Lexikon / hrsg. von Erwin Gatz unter Mitw. von Clemens Brodtkorb. Berlin.
- Goetz 1916 — *Goetz L. K.* Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916.
- Goetz 1922 — *Goetz K. L.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters (Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte, N. F., Bd. 5), Lübeck, 1922.
- Kiparsky 1939 — *Kiparsky V.* [Review of] G. Schmidt. Das Eindringen der hochdeutschen Schriftsprache in der Rigaschen Ratskanzlei // Neuphilologische Mitteilungen. 1939. Bd. 40. № 1. S. 83–87.
- Kiparsky 1960 — *Kiparsky V.* Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt? // Neuphilologische Mitteilungen. 1960. Bd. 61. № 2. S. 244–248.
- Klenin 2003 — *Klenin E.* The Smolensk Trade Treaty of 1229 (Copy A): Observations on Pragmatics, Text Boundaries, and Orthographic Variation // Русский язык в научном освещении. 2003. 6 (2). С. 247–259.
- Kluge — Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 25. Aufgabe. Bearbeitet von E. Seebold. Berlin/Boston, 2011.
- LübUB — Lübeckisches Urkundenbuch. Hrsg. vom Verein für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Lübeck, 1843–1873.
- MLW1 — Mittellateinisches Wörterbuch: bis zum ausgehenden 13. Jahrhundert. I. A — B. O. Prinz [Red.], P. Lehmann [Begr.], H. Antony [Red.]. Bayerische Akademie der Wissenschaften, München, 1967.
- Nagel 2002 — *Nagel N.* Die mittelniederdeutschen Wunstorfer Urkunden von 1290 und 1303 — zwei Fälschungen aus dem 14. Jahrhundert? Ein Beitrag zum Stand der

- Erforschung der mittelniederdeutschen Urkunden der Zeit um 1300 // Niederdeutsches Jahrbuch 125. 2002. S. 27–81.
- Napiersky 1868 — *Napiersky K. E.* Russisch-livländische Urkunden / Hrsg. von der Archäographischen Kommission. St. Petersburg, 1868.
- Niermeyer et al. 2002 — *Niermeyer J. F., van de Kieft C., Burgers J. W. J.* Mediae latinitatis lexicon minus. Darmstadt, Leiden, 2002.
- Schaeken 2003 — *Schaeken, Jos.* Zur Spracheinheit im Korpus der Smolensker Urkunden des 13.–14. Jahrhunderts. In: Sebastian Kempgen, Ulrich Schweier & Tilman Berger (eds.), *Rusistika — Slavistika — Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag (Die Welt der Slaven, Sammelband 19)*. München, 2003. P. 261–272.
- Schröder 1936 — *Schröder, Edward.* Die älteste Urkunde in niederdeutscher Sprache // Niederdeutsches Jahrbuch 62. 1936. P. 1–4.
- Selart 2007 — *Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Band 21). Köln, Weimar, Wien, 2007.
- Squires 2009 — *Squires C.* Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. (Niederdeutsche Studien. Band 53.) Köln, Weimar, Wien 2009.